

Эльмир Мирзоев: "В век тотальной музыки композитору очень непросто" | Elmir Mirzoev: "In the era of total music a composer has a hard time"

Автор: Андрей Федорченко, [Винтертур](#) , 13.11.2013.

19 и 24 ноября в Швейцарии пройдут концерты из произведений современного азербайджанского композитора. Знакомьтесь!

|

On November 19 and 24, the concerts of the contemporary Azeri composer will take place in Switzerland.

Elmir Mirzoev: "In the era of total music a composer has a hard time"

Я приехал к композитору... О чем журналисту следует говорить с композитором, как не о музыке? Так, с благим намерением погрузиться самому и погрузить читателя в дебри алеаторики, сонорики и конкретной музыки я отправился в Винтертур к Эльмиру Мирзоеву. Эльмир Мирзоев проживает с июля в художественной резиденции Villa Sträuli в статусе стипендиата, и заключительным аккордом стипендии станут два его концерта.

Однако порассуждать о музыке нам с Эльмиром довелось не очень много. Композитор незаметно уводил беседу из сферы собственно своей профессии в философию, политику, в область общественных отношений. И только в конце разговора, когда автор уже отчаялся в положительном результате интервью, до него вдруг дошло: музыка для Мирзоева так тесно переплетена с тканью самой жизни, политикой и обществом, что просто не мыслится без них. Как в старом лозунге коммунистов: «Мы говорим Партия – подразумеваем Ленина!», так и в беседе с «Нашей Газетой.ch» Эльмир Мирзоев, рассуждающий о религии, о армянско-азербайджанских проблемах и о глобализации, станет, пожалуй, понятнее читателю именно как Делатель Музыки.

«Наша Газета.ch»: Принято критиковать образование, полученное в СССР. Как такое утверждение применимо к музыкальному образованию?

Эльмир Мирзоев: Я родился в Баку, тогда еще в Советском Союзе. Образование получил тоже в Баку и, разумеется, оно советское, со всеми присущими ему идеологическими штампами. В музыке эти штампы проявлялись тоже.

Как?

Историю Советского Союза вообще и историю советской музыки в частности можно разделить на четыре этапа. Первый этап начался сразу после октябрьского переворота в 1917 году, и вплоть до 1936 года доминировала авангардистская культура. Художники получили свободу, фактически безграничную. Поддерживаемую самим государством, что вообще-то нонсенс в мировой истории. Такое еще раз повторилось в 1945 году в послевоенной, разрушенной Европе.

Начало второго этапа связано со знаменитой статьей в газете «Правда» в 1936 году, в которой опера Дмитрия Шостаковича «Леди Макбет Мценского уезда» была объявлена «сумбуром вместо музыки». Этой статьей власть дала сигнал: авангарду конец! Началась новая страница, ориентированная на неоклассицизм и возвращение к «национальным истокам». Здесь показателен пример Александра Пушкина, который в 20-тые годы был почти под запретом, как «дворянско-помещичий» поэт. И вдруг – сразу стал «нашим всем»! С грандиозным празднованием 100-летия со дня его смерти! Такая культура получила название «сталинский ампи́р» и господствовала до конца 50-тых, до хрущевской «оттепели». А «оттепель», короткая по времени, стала третьим этапом. Четвертым стал хорошо всем известный «застой».

На образовании все это сказалось трагически. Все актуальное, что происходило в мировой музыке, проходило мимо наших консерваторских стен. Были запрещены

элементарные вещи - например, был запрещен Шенберг и с ним вся нововенская школа. Хотя это классика, и даже в 1934 году в Ленинграде о нем была издана брошюра Соллертинского. Но после 36-го, когда «железный занавес» опустился окончательно, исчезли и последние крохи информации. Наше образование базировалось на романтической музыке, то есть на музыке 19-го века, и наши специалисты, по большому счету, были необразованы.

То есть, Вы считаете Ваше поколение необразованным?

Наверное, да, потому что господствовали идеологические скрижали, запрещающие профессорам и кандидатам наук изучать предвоенный и тем более послевоенный авангард, то есть революционные эстетические и технические новшества первой и второй волны. И самое страшное, что они искренне верили: это плохо! И даже после распада Союза, крушения идеологии эти уже взрослые дяди и тети продолжали утверждать, что никакая это не музыка. Они чувствовали угрозу своим карьерам, диссертациям, если бы признали право на существование такой музыки. Вот Рахманинов – да, это музыка! Однажды ко мне даже подошел один из старших «коллег» и «по-товарищески» сказал: - Это же валяние дурака, признайся, а? Ну как можно писать без мелодии? В общем, это было, как говорил товарищ Бендер, «тяжелое наследство режима».

Мне все это пришлось испытать на себе, так как до 2001 года я преподавал в нашей консерватории. И тогда я понял, что ставку надо делать исключительно на молодежь. То есть постулат Моисея о «сорока годах пустыни» работает четко. Разумеется, можно не знать, кто такие Гризе, Лахенман или Шелси, что такое сериализм или *musique spectrale*, не отличать Веберна от Вебера и вообще считать все это «какофонией». Можно спокойно без всего этого прожить. Но тогда нет необходимости называть себя музыковедом, композитором или еще кем-то. Всего-то...

Востребована ли Ваша музыка? Как Вы решали образовательные пробелы?

Если молодой тогда человек вроде меня чувствует, что ему недодали образования, он стремится получить его сам. Если человек сам захочет что-то познать, результат будет гораздо эффективнее обычных академических штудий. Тем более, что в годы моей учебы кроме сугубо музыкальных причин были еще историко-общественные предпосылки.

Какие?

Когда наступила перестройка, к ней отнеслись со смешком: ну какие там гласность, ускорение?... Однако в Азербайджане все произошло мгновенно, в 1988 году начался трагический Карабахский конфликт. Для нас Советский Союз кончился именно тогда, в конце восьмидесятых. И стало ясно, что все, что было написано в книжках о дружбе народов, о культурных ценностях и тд, не стоит ломаного гроша. Нужно переосмысливать всю жизнь заново.

После того, как в «Новом мире» напечатали «Архипелаг ГУЛАГ», я понял одну вещь: идеологический человек, вернее даже «идеальный человек» 20-го века гораздо страшнее человека без идеологии, без четких убеждений, сомневающегося. Он, этот «идеальный человек» оказался способен на построение концлагерей, на уничтожение миллионов людей во имя идеи. Вообще, главный мейнстрим 20-го века – это искренняя и наивная вера в создание идеального общества и совершенного

человека. То есть, ницшеанского Übermensch.

Но человек не может быть совершенным, в нем изначально заложен диссонанс. То же самое и в культуре: она состоит из сплошных противоречий. Посмотрите – если тоталитаризм оказался пагубным для индивидуума, для литературы и для музыкального искусства в частности, то для ленинского «важнейшего из искусств» стал весьма плодородной почвой. Неспроста ведь творчество С. Эйзенштейна и Л. Рифеншталь является хрестоматией кино. Нечто подобное сегодня переживает иранское кино благодаря «муллократии», как это ни странно звучит. Вы спросите: а как же Голливуд? Голливуд задумывался изначально, как индустрия кинодосуга. Но культура все же не досуг. Досуг расслабляет, культура напрягает.

Как результат ослабления идеологии отразился на ситуации в Азербайджане?

При «блицкригном» развале СССР основной центр тяжести пришелся именно на Кавказ. Кавказ – регион небольшой, клочок земли, на котором сконцентрировалось множество народов. Там и вспыхнуло: начались чудовищные этнические войны, для бывших граждан единой страны-сверхдержавы они стали фактически одной большой гражданской войной, в которой использовались одни и те же виды оружия, амуниции, техники, а порою и военной формы. Представьте себе, сколько на маленьком клочке кавказской земли конфликтов: армяно-азербайджанский, грузино-осетинский, грузино-абхазский, ингушско-осетинский, чечено-русский...

Была ли в этих конфликтах религиозная составляющая?

В азербайджанско-армянской войне не было религиозной составляющей, более того, это была «интернациональная» война: с обеих сторон воевало много бывших сограждан – украинцев, русских и тд. Результаты конфликтов оказались чудовищными – весь регион был ввергнут в хаос, а затем фактически заблокирован. Это, конечно, сказалось и на развитии культуры.

Как отразилась война на Вашем поколении? Как сказалась на творчестве?

Оно оказалось высушено войной. Наше поколение – исчезнувшее. Оно не успело сформироваться, а часть его сгинула в войне. Наше детство пришлось на «идеальный», спокойный «застой», а зрелость наступила вместе с войной. Скажу честно – меня тоже тогда охватило отчаяние, и я надолго потерял веру в какое-либо возрождение...

Разумеется, все это сказалось и на сочинениях – «Die Flucht aus der Zeit» («Бегство из времени») на слова Хуго Босса для сопрано, трех солистов и камерного ансамбля, «Todesfuga» («Фуга смерти») – инструментальный театр для 4-х исполнителей на слова Пауля Целана, «Тяжелый эстетический опыт утраченного шума красоты» - Sinfonia для скрипки и камерного оркестра. И даже в прошлогодней работе «Die Vergänglichkeit der Zustände des Phönix-Mithos» («Непостоянство в состоянии о мифе Фениксе»), где в качестве солистов фигурируют бас-кларнет и контрабас с неизменно темными тембрами...

К какому направлению можно отнести Вашу музыку? Как Вы пишете?

Сегодня каких-то конкретных эстетических направлений в академической музыке, да

и в искусстве в целом, в принципе не существует, особенно на фоне постоянных разговоров о конце музыки и тд. Ну а пишу я довольно редко, и при этом обязательно должен присутствовать внешний стимул, грубо говоря пишу почти всегда по заказу. В мире сейчас очень много музыки и писать ее просто так, как в прошлые века, то есть довольно много, уже непозволительно. Объясню почему.

Ушедший совсем недавно и уже превращающийся в трудноразрешимую мифологему 20-ый век был для нас, композиторов, веком новой музыки, как и нового типа войны, тоталитарных систем, экспериментов социальной инженерии, «пробиркой» идеологий, стриптиза и кино. Веком тотальной музыки, которая преследовала людей буквально повсюду: дома, на улице, в баре, в кино, в постели и даже в концлагере. Интересно, что изобретение носителя музыки – граммофона никого тогда особенно не вдохновило, то есть такого никто не предвидел.

Сегодня же беспрецедентное время для музыки: ведь еще каких-нибудь 30 лет назад не существовало ни интернета, ни mp3. Радио и телевидение не были достаточно эффективны, и для того, чтобы послушать оперу или концерт, нужно было идти в театр или в филармонию. А сейчас представьте, в одном крошечном айфоне – вся музыка, созданная человечеством! Я пишу академическую музыку, которой сегодня отведено очень маленькое место, можно сказать – она находится в гетто. Еще одно противоречие нашего необыкновенного времени: композитору очень непросто в век тотальной музыки.

И кто в таком случае заказывает музыку?

По-разному. Иногда это фестивали, иногда – какие-то специальные художественные проекты. Иногда просто коллеги из различных музыкальных коллективов или солисты... разные бывают случаи.

Как Вы получили стипендию в резиденции Villa Sträuli?

Очень просто: один мой товарищ, живущий в Винтертуре, рассказал мне о резиденции Villa Sträuli, и я зашел на их сайт, подал заявку и прошел отбор. Условия для работы здесь просто прекрасные. Винтертур же мне нравится своей особенной, теплой атмосферой: я, будучи совсем молодым человеком, уже приезжал сюда в далеком 1995 году со старшим коллегой, моим учителем Фараджем Караевым на фестиваль «Musik aus Aserbajdschan».

Я знаю композитора, который пишет самую разную музыку: от академической до саундтреков видеоигр. Как Вы относитесь к подобному универсализму?

Хорошо. Если бы я получил бы подобный заказ, то с удовольствием написал бы что-то подобное. Но там свой круг заказчиков, в который я вряд ли попаду. Но универсализм – это вызов нашего времени.

Сегодня для музыки наступает переломный момент: происходит ее переформатирование. К чему это приведет – угадать крайне сложно. И задачи композиторов усложнились десятикратно. Нам необходимо переосмысливать весь предыдущий культурный опыт – как в музыкальном плане, так и в философском. Нынешнее музыкальное искусство – «платоновское», содержащее в себе кроме сугубо эстетической составляющей, очень много внемузыкальных аспектов. Сейчас это даже больше наука, нежели искусство, некая игра из «Игры в бисер» Германа Гессе. И в век тотального досуга «жизненное пространство» академической музыки

неумолимо сокращается, и я пока не представляю, что произойдет с ней в обозримом будущем. Переформатирование музыки произойдет, но во что это выльется? Не знаю... Культура досуга сегодня доминирует и это неизбежно.

Недавно в Баку произошло знаковое событие: на фестивале имени основоположника нашей академической музыки Узеира Гаджибекова состоялся концерт, где впервые играли целиком Вагнера. В честь его 200-летия. Вагнер – конечная цель романтизма, он и есть романтизм. До этого у нас его практически не играли, а тут – сразу целый концерт! После концерта один коллега написал мне о своем сильном впечатлении и задался вопросом: почему сейчас невозможно так писать? Я всегда восхищался Вагнером как бесконечным романтиком, создававшим некие иллюзорные идеальные миры. Но заканчивается все непременно «Гибелью Богов». Через каких-то сто лет вагнеровский миф воплотился в реальность. Я ответил коллеге, что видимо так уже невозможно писать искренне, ибо мы уже находимся «по ту сторону добра и зла». Мы знаем, к чему привел такой бесконечно-мессианский романтизм в 20-ом веке: к газовым камерам и концлагерям. После них такую музыку писать больше нельзя – об этом говорил еще Т. Адорно. Вот почему в послевоенный период началось полное переосмысление музыки. Сегодня время предъявляет нам еще более глобальные вызовы, и тут без переформатирования уже не обойтись. Разумеется, это касается не только музыки, но и вообще всех сторон жизни. Но это уже задачи скорее для следующих поколений, вплоть до апокалипсиса, это нормальный процесс.

... Такое вот апокалиптическое видение предстоящего переформатирования. Музыка. Культуры. Вообще всей нашей жизни.

А пока этого еще не произошло, Эльмир Мирзоев даст в Швейцарии два авторских концерта.

19 ноября в 19.30 – в резиденции Villa Sträuli. Информация [здесь](#).

24 ноября – в Theater am Gleis в Винтертуре. Информация [здесь](#).

Предлагаем вниманию читателей [линки](#) «Тяжелого эстетического опыта утраченного шума красоты».

Эльмир Мирзоев (фото из архива композитора)
[швейцарская музыка](#)
[музыка](#)

Source URL: <https://dev.nashagazeta.ch/news/peoples/16677>